

H. Berger. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager.* Teil I. Grammatik. XXIII + 271 S.; Teil II. Texte und Übersetzungen. X + 273 S.; Teil III. Wörterbuch. Burushaski-Deutsch, Deutsch-Burushaski (Unter Mitarbeit von Nasiruddin Hunzai). 646 S. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1998.

На языке бурушаски, или буриш(к)ском (устаревшее название — канджутский) и на диалекте (или близком к бурушаски языку) вершиквар, или вершикском, говорит небольшая народность в отрогах Каракорума на севере Индостана, насчитывающая по одним оценкам (1992 г.) 55–60 тыс. чел., по другим (1999 г.) — 80–90 тыс. человек.

Язык генетически изолированный. Предпринимавшиеся в разное время различными исследователями попытки установить его родство с теми или иными языками, языковыми семьями и географически удаленными ареальными объединениями (например, с кавказскими языками, с баскским, с дравидийскими, тибетскими, мунда и др.; в работах последних лет также с доиндоевропейскими и раннеиндоевропейскими языками Средиземноморья) базируются в основном на отдельных типологических признаках и на сходстве большего или меньшего списка слов и остаются до сих пор в разряде гипотез, нуждающихся в дальнейшей аргументации.

Язык весьма своеобразен и в типологическом плане: наличие системы четырех семантических классов, система проклитических местоимений, в обязательном порядке оформляющих имена неотчуждаемой принадлежности, особенности спряжения и некоторые другие черты резко выделяет его из языков ареала и вызывает аналогии с

языками других регионов (кавказскими, енисейскими и др., смотри, например [Топоров 1969]).

Поскольку бурушаски оказал в прошлом существенное субстратное и адстратное влияние на всех языковых уровнях на окружающие его ныне индоиранские языки и поскольку он сам или родственные ему (и типологически сходные с ним) языки сыграли в прошлом существенную роль в становлении Центральноазиатского языкового союза (подробнее см. [Эдельман 1980]), публикация материала и максимально полного описания этого языка важна не только для изучения самого бурушаски, но и для истории многих других языков.

Вместе с тем, до последних десятилетий мы имели в своем распоряжении из соизмеримых по объему работ только труд Д. Лоримера по бурушаски [Lorimer 1935a; 1935b; 1938], в котором записанный у носителей языка надежный, обширный и прекрасно подобранный материал представлен, тем не менее, в относительно устаревшей лингвистической обработке, и его же словарь диалекта вершиквар [Lorimer 1962]. Имелась также небольшая, хотя и очень ценная, статья И.И. Зарубина по диалекту вершиквар [Зарубин 1927]. Другие лингвистические работы (синхронного и диахронического направлений), посвященные этому языку, почти все базировались на

материалах трудов Д. Лоримера и И.И. За-рубина и представляли собой их лингвистическую интерпретацию (см., например [Borgström 1945; Vogt 1945; Morgenstierne 1945; Benveniste 1948–1949]). Новых материалов, записанных от носителей языка и обработанных на современном уровне не было – вплоть до выхода в свет предыдущей книги Г. Бергера, посвященной диалекту вершиквар, или вершикскому, распространенному в местности Ясин [Berger 1974].

Рецензируемая новая работа Г. Бергера представляет собой трехтомный капитальный труд, опубликованный в серии *Neuindische Studien* (Band 13), продолжающий работы этого автора, посвященные языку бурушаски и базирующиеся на собственном материале.

В отличие от его книги 1974 г. (опубликованной в этой же серии в качестве 3-го тома), настоящий труд Г. Бергера посвящен двум другим основным диалектам, распространенным в местностях Хунза и Нагер (в других нотациях – Нагир, Нагар) и составляющим собственно бурушаски. Различия между этими двумя диалектами невелики, однако заметны, а кроме того внутри каждого из них наблюдаются, в свою очередь, определенные говорные расхождения, особенно характерные для диалекта Хунзы.

Работа построена в целом по тому же принципу, что и предыдущая и также состоит из трех основных частей: грамматика, тексты с переводами, словарь. Однако здесь, учитывая несравнимо больший объем материала и более подробное описание, эти части составляют отдельные тома.

Том I "Грамматика" содержит введение ко всему труду (с. XIII–XV) и введение к данному тому, включающее краткий обзор истории изучения языка, сведения о его носителях, объяснение некоторых транскрипционных знаков и пр. (с. 3–11). За ними следуют собственно исследовательские разделы: очерки фонологии, морфологии; синтаксиса (с. 177–202), а также раздел, посвященный словообразованию (с. 203–227). В этом же томе помещены вспомогательные части, относящиеся ко всему труду: список сокращений (с. XVII–XX), краткая библиография, включающая только источники нового материала и только немногую цитируемую литературу. Заключает первый том общий индекс, в котором различные слова и элементы, как то: грамматические форманты языка бурушаски (с объяснениями их функций), немецкие обозначения разных понятий и реалий, лингвистические и прочие термины,

имена информантов и некоторых исследователей, – приводятся в едином общем алфавитном порядке (с. 229–271).

Описание фонологической и фонетической системы бурушаски (с. 13–32) построено, как и в описании вершиквар, по принципу "от фонемы к способам ее реализации". Соответственно этому выдержана и фонологическая транскрипция приводимого во всех трех томах материала. Этим труд Г. Бергера выгодно отличается от упомянутой работы Д. Лоримера, также содержащей ценнейший материал, но представленный в фонетической (и не всегда адекватной) записи.

Г. Бергер выделяет пять гласных фонем: /i/, /e/, /a/, /o/, /u/, оговаривая при этом, что они могут подвергаться назализации (в основном, в экспрессивной лексике). Далее, описывая функционирование гласных, он рассматривает их основные варианты и типы редукции в соседстве с определенными согласными и при нахождении в ударном и безударном (предударном и заударном) слогах.

Отдельно (с. 14–16) рассматривается частое для бурушаски "удвоение" (типа *aa*, *ee*), которому может подвергнуться любая из гласных фонем. Фонетически результирующие "удвоенные" звуки сходны с долгими гласными других языков, но фонологически, как считает автор, их надо рассматривать как последовательности двух кратких гласных, поскольку они могут находиться на морфемных швах (например, *a-iu-un-* – отрицательная форма от *du-ün-* 'схватить', *hā-an* – "зингулатив" от *ha* 'дом'), а также могут быть фонетической реализацией разнокачественных гласных фонем (например, фонетическая последовательность *ēe* может быть реализацией фонологической последовательности *éa*). При этом ударение падает на один из элементов "удвоения" (например, *āa* или *ad*), в отличие от назализации, которая захватывает оба элемента, как и при сочетании разнокачественных гласных.

Следует отметить, что такая интерпретация "удвоенных" гласных вызывает определенные вопросы, особенно с учетом описания Г. Бергером словесного ударения в бурушаски. Ударение характеризуется им как свободное и смысловозначительное, ср. например, *duḍūr* 'сорт абрикосов' ~ *ḍuḍūr* 'маленькая норка в земле', *du-mán-* 'становиться' (при субъекте класса у, см. ниже) ~ *d-ú-man-* 'становиться' (при субъекте классов h и x во мн. числе). При этом фонетическая реализация ударения определяется автором в виде общего артикуляторного

усиления ударного слога и легкого подъема тонового контура, сходного с таковым в немецком языке (с. 19).

Вместе с тем, при сопоставлении такой фонетической реализации ударения с наличием "удвоенных" гласных, где возможны типы *da* и *ad*, напрашивается аналогия с рядом языков данного ареала (включая окружающие бурушаски дардские языки), где изменение тонового контура на протяжении звучания гласного звука или слога трактуется как самостоятельный релевантный просодический элемент – тоновые оппозиции. Ср. также возможность интерпретации таких "удвоенных" или "сверхдлинных" гласных (а также некоторых других гласных элементов) в бурушаски как несущих определенные тоновые характеристики [Lorimer 1935a: 632–635; Morgenstierne 1945: 85–88; Климов, Эдельман 1970: 22, 33–34]. Таким образом фонологическая интерпретация звуков (или их последовательностей) типа *da* и *ad* требует дальнейшей аргументации, и вопрос о наличии релевантных тоновых оппозиций в бурушаски остается открытым.

Система согласных фонем бурушаски несколько богаче, чем в диалекте вершикар: здесь развита серия глухих придыхательных фонем: *qh, kh, ʈh, th, ʃh, ʈh, ʃh, ph*, хотя в определенных позициях происходит их частичная или полная аспирация *qh > qh > x; ph > pf > f*. Различаются переднеязычные дентальные и церебральные согласные (типа *t ~ ʈ*).

Характерно наличие в записях и в описании Г. Бергера согласной, которую он, вслед за Д. Лоримером, обозначает знаком *y* и называет "своеобразным спирантом" (*eigentümliche Spirants*, см. с. 22). Это подтверждает высказывавшееся ранее предположение (см. [Климов, Эдельман 1970: 28–29]) о наличии в бурушаски звонкой щелевой согласной, аналогичной по артикуляции (судя по описанию Д. Лоримера, Г. Бергера и других авторов) распространенной в иранских языках Западного и Южного Памира согласной *ʕ*, реализуемой щелевыми звонкими звукотипами, произносимыми при поднятой задней части языка, горизонтальном положении основной части спинки языка и чуть опущенном или нейтральном положении его кончика. Поскольку такая фонема представлена в соседнем с бурушаски иранском языке – ваханском, с которым бурушаски связывали и связывают тесные контакты, наличие ее здесь вполне укладывается в ареальные артикуляционные и фонологические нормы.

В работе рассматриваются также позиционные чередования согласных, типы их редукции, характерные последовательности фонем. Отдельная группа параграфов посвящена передаче в бурушаски заимствованных слов и типам их фонетической адаптации (с. 29–32).

Обширный раздел, посвященный морфологии (с. 33–175), последовательно анализирует морфологию имени существительного, прилагательного, систему местоимений и местоименных клитик; большая часть его посвящена системе глагола; отдельными небольшими разделами даются наречия, числительные, послелоги и другие части речи.

Существительные бурушаски делятся на четыре класса: I – класс мужчин, II – класс женщин, III – класс, в который входят названия животных, считаемых неодушевленными предметами и ряд других, IV – класс части предметов, но в основном, названий сыпучих веществ, жидкостей, абстрактных понятий и пр. Г. Бергер вслед за Д. Лоримером, как и в предыдущей книге, называет эти классы соответственно: I – *hm*, II – *hf*, III – *x*, IV – *y*. Это членение на классы не имеет эксплицитного выражения в основе самого имени существительного, а выявляется в его соотносительности с другими частями речи, в которых классы выражены – лексически (в выборе соотносительного указательного местоимения определенного класса) или морфологически (например, лично-классными глагольными формантами субъекта и объектов и др.). Отчасти семантическая классификация имен выявляется также в употреблении того или иного показателя множественности (их употребительность далеко не во всех случаях совпадает с членением имен на классы). Перечень способов выражения классов автор приводит списком (с. 34).

Следует отметить, что Г. Бергер, вслед за Д. Лоримером, выделяет также пятый класс – *z*. К последнему оба исследователя относят формы числительных, которые не привязаны к тому или иному классу существительных, а являются абстрактным выражением числа (например, при счете). О неправомерности выделения такого класса наряду с другими именными классами уже приходилось писать [Эдельман 1976: 123], однако автор придерживается этой традиции (см. с. 100 рецензируемого труда).

Важными представляются случаи (отмеченные также Д. Лоримером), когда названия одних и тех же неодушевленных предметов могут принадлежать как классу *x*, так и классу *y*, в зависимости от семантических

оттенков имени: как названия веществ или класса, совокупности предметов они входят в класс у, как названия считаемых предметов, состоящих из данных веществ или связанных с ними, — в класс х: например, *čumār* х 'железный противень' ~ у 'железо', *baui* х 'каменная соль (в глыбах)' ~ у 'соль (раздробленная, вещество)', *gašil* х 'палка' ~ у 'дрова' и др. (с. 35).

Интересно, что категория семантического класса — одна из черт, которую усвоили из "бурушаскообразного" субстрата некоторые иранские языки региона, наложив ее на индоевропейскую категорию рода. В языках шугнано-рушанской группы (Западный Памир) колебания в отнесении имени существительного к женскому или к мужскому роду, в зависимости от оттенков значения (единичный предмет ~ класс, совокупность предметов), повторяют принцип колебания между классами х и у в бурушаски.

Характерной типологической чертой бурушаски является обязательное присоединение местоименных проклитик, или препозитивных детерминативов "поссесора", к именам существительным неотторжимой принадлежности. Сюда входят обозначения частей тела, родства, названия ряда других понятий и реалий, не отделимых от кого-л., чего-л. (Г. Бергер насчитывает около 150 таких имен). Реже отмечаются также этимологически связанные пары таких имен, употребляемых с обязательными проклитиками и без них, с несколько различающейся семантикой (с. 44 и сл.). Автор различает три типа проклитик, закрепленных лексически за определенными именами и глаголами и отличающихся друг от друга фонетическими свойствами: ударностью/безударностью, степенью подъема гласных и некоторыми другими (с. 90–92).

Важно наличие в бурушаски большого количества постпозитивных показателей множественности, закрепленных за определенными классами имен, а также за отдельными группами и даже отдельными именами (с. 46–57), что может свидетельствовать о более дробном членении имен на классы в прошлом.

Несомненно положительно следует расценить употребление Г. Бергером термина "зингулатив" (*Singulativ*) взамен традиционно употреблявшихся терминов "неопределенный артикль" или "показатель неопределенности", применявшихся по отношению к суффиксу *-an*, восходящему к числительному "один" в форме *han*, употребляемой для предметов, соотносимых с классами х и у (с. 39–41); для бурушаски, как и для многих

других языков, включая соседние иранские, термин "зингулатив" тем более справедлив, что элемент (аффиксальный или самостоятельный), называемый традиционно "неопределенным артиклем" или "показателем неопределенности" и восходящий к числительному "один", указывает обычно не только (а часто и — не столько) на "неопределенность", сколько на выделятельность и идентификацию одного из множества.

Трудным для описания именной подсистемы бурушаски является способ выражения в нем синтаксических отношений имен. Для этого языка характерно наличие большого количества постпозитивных показателей — падежных окончаний и послелогов (при отсутствии предлогов), выражающих эти отношения. Притом постпозитивные показатели имеют различный в фонетическом отношении вид: содержащие гласные элементы (ударные и безударные) и состоящие только из согласных. Характерны также наращения к существительному двух постпозитивных элементов, с разными их комбинациями. Такая объективная ситуация дает возможность двоякого описания языка: 1) с минимальным количеством падежей и многими послелогам, 2) с большим количеством падежей и соответственно меньшим числом послелогов. Учитывая возможность комбинаций разных постпозитивных показателей и наращение их один после другого, мы в свое время избрали способ описания этой системы как двухпадежной для большинства существительных и трехпадежной для существительных II класса (в нотации Лоримера и Бергера — класса hf), дополняемой большим количеством (ок. 25) послелогов [Климов, Эдельман 1970: 41–42]. В книге Г. Бергера эта система представлена как склонение с большим числом падежей (с. 58–63, функции падежей — с. 64–77) и рядом послелогов, к которым автор относит только слова с самостоятельными акцентными характеристиками (с. 97–99).

Описание падежей проводится здесь в последовательности от форманта к функции или к значению, например, указано, что формы с показателем *-e* выступают как эргатив, кроме ед. числа имен класса hf, которые, будучи оформлены этим показателем, имеют значения генитива или локатива-инструменталиса; показатель *-ar* указывает на датив и аллатив и т.д. (с. 58 и сл.). Выделяются также четыре застывшие падежные формы. Указывается на возможность сочетания двух падежных показателей. Например, *-ul- 'в' и -ar (см. выше) в примерах типа hālar 'в дом' < *ha-ul-ar,*

háale 'домой' < **ha-ul-e* – оба от имени *ha* 'дом' и т.п. (с. 59). Практически автор в описании падежей ограничивается перечнем показателей – простых и комбинированных, с приблизительным кругом значений, передаваемых немецким переводом в виде предложений, наречий либо их комбинации (типа *al-e* "bei", *-al-ar-* "zu ... hin"), но без парадигмы склонения (см. с. 63). Представляется, что этот способ труднее для уяснения читателем системы синтаксических отношений имен, хотя само функционирование системы в целом понятно.

Особого внимания заслуживает местоименная система в бурушаски (с. 78–92), включающая, помимо полноударных местоимений, местоименные проклятики лица и класса, играющие большую роль в именной подсистеме (употребляясь как обязательный показатель-детерминатив при именах неотчуждаемой принадлежности) и в глагольной (используясь в качестве префиксального личного и классного показателя). Собственно личные местоимения охватывают только 1-е и 2-е лица, ед. и мн. число. В функции 3-го лица используются указательные, различающиеся, помимо числа (ед. и мн.), еще и соотносительностью с разными именными классами. (Кстати, поэтому повторение их на с. 80 в скобках в качестве местоимений 3-го лица в таблице личных местоимений представляется избыточным).

Система числительных (с. 100–103) интересна тем, что они содержат в огласовках и в исходе слова соотносительность с именными классами: от "одного" до "трех" – с каждым из классов, остальные – с классами людей. Кроме того существует серия числительных, не соотносимых с классами и употребляемых при абстрактном счете (как говорилось выше, Г. Бергер вслед за Д. Лоримером соотносит ее с пятым классом, называемым ими "классом z", что едва ли правомерно, учитывая отсутствие соответствующего особого именного класса). Счет вигезимально-децимальный (например, 50 – *altó-dítar tóorimi*, букв. '2–20 [+ 10]').

Столь же серьезному анализу подвергнута в рассматриваемой работе глагольная система (с. 103–173). Здесь рассматриваются вначале финитные формы – временные и модальные: презенс, футурум, конатив, имперфект, перфект, плюсквамперфект; императив, три разновидности опатива, кондиционалис. В них различаются 3 лица, ед. и мн. числа, а кроме того в 3-м лице ед. и мн. числа оформляется соотносительность с одним из четырех именных классов. В большинстве переходных глаголов выра-

жена также соотносительность с лицом и классом имени объекта действия. В качестве личных и классных показателей используются окончания и местоименные проклятики, выражающие субъект и прямой или косвенный объект. Например: *tu-délimi* 'он ударил ее' (букв. 'ее-ударил-он'), *hir i-phúsimi* 'он связал человека' (букв. 'человек/мужчина его-связал-он').

Развита также система инфинитивных форм и глагольных имен, имеющих большое значение для глагольной системы в целом. Сюда входят разные формы инфинитивов, абсолютивы, причастия. Отдельное внимание уделяется в работе инновационным аналитическим сочетаниям и формам, образуемым от причастий, инфинитива, абсолютива с помощью вспомогательных глаголов.

К этому разделу претензий практически нет. Он написан подробно и четко, снабжен наглядными парадигмами, скрупулезным описанием употребления различных форм и аналитических сочетаний, с большим количеством иллюстративного материала, который делает анализ глагольной системы бурушаски особенно надежным.

Замыкает раздел морфологии группа параграфов, посвященных частицам, союзам, междометиям и пр. (с. 174–175).

Далее следует раздел "Синтаксис" (с. 177–202), где последовательно анализируется строение простого предложения (с характеристикой связи его членов – при учете эргативной конструкции, соотношения глагола с именами субъекта и объекта, способов оформления имен, порядка слов в предложении и т.д.) и строение и способы соединения различных типов сложных предложений.

Замыкает исследовательскую часть первого тома раздел "Словообразование" (с. 203–227), в котором подробно изложено именное суффиксальное образование и способы образования имен-компонитов, а также словообразование глаголов. Справедливо отметив, что аффиксальное словообразование новых глаголов в бурушаски практически уже непродуктивно, автор рассматривает затем, выделив в качестве отдельной группы параграфов (с. 212–218), действительно продуктивное в современном языке образование сложноименных глаголов, то есть сочетаний имен с глаголами, обладающих разной степенью семантической спаянности, в которых в качестве именных компонентов используются различные разряды имен (включая заимствованные), а в качестве глагольных – опре-

деленные глаголы (наиболее часты: *man'-l-mán-* 'становиться', *ní-*, 'идти' — для переходных глаголов, *-i-* 'делать', *dél-* 'бить' — для переходных). Характерно, что в этом плане бурушаски смыкается типологически с теми живыми индоиранскими языками, где подобное словообразование глаголов также стало либо наиболее продуктивным, либо единственным. Представляется, что такое выделение данной группы глаголов и такая их трактовка, как *Verbalkomposita* — вполне правомерны.

Т. II — "Тексты с переводами" содержит краткое предисловие (с. IX–X), за которым следуют шестьдесят семь повествовательных текстов с переводами (по отдельности — на диалекте Хунзы и на диалекте Нагера). Как сообщает в предисловии Г. Бергер, восемь из них были записаны под диктовку, остальные — методом звукозаписи с последующей неоднократной проверкой у носителей языка и с повторными выяснениями трудных мест. Все тексты и переводы разбиты на пронумерованные фразы, при этом текст и перевод к нему набраны на развороте страниц, что облегчает их сопоставление и понимание. Тексты снабжены грамматическими, семантическими комментариями, оформленными как постраничные примечания. В ряде случаев в них приводятся также варианты фраз, слов, разъяснения некоторых реалий, дословный перевод отдельных идиоматических сочетаний и т.д., что очень полезно для тех, кто будет читать эти тексты самостоятельно.

Состав текстов довольно разнообразен: здесь есть фольклорные записи (сказки, легенды и предания, мифы), а также повествования о различных народных верованиях, обычаях и конкретных событиях. Такое жанровое разнообразие позволяет обнаружить различные стилистические моменты в системе языка.

Т. III. "Словарь", составленный в сотрудничестве с Н. Хунзай, содержит бурушаски-немецкий словарь (с. 1–486), список собственных имен и географических названий (с. 487–511), немецко-бурушаски словарь (с. 513–637). Заключают данный том семантический индекс (с. 629–643) и индекс ботанических терминов (с. 643–646).

В бурушаски-немецком словаре все слова даны в алфавитном порядке, с пометами о диалекте. При этом, как подчеркнуто в предисловии, помета одного из диалектов, например, "ng." (то есть, диалект Нагера) не означает, что этого слова нет в Хунзе, и наоборот. Смысл данной пометы в том, что у составителя за нехваткой времени не было

возможности проверить наличие аналогичного слова во втором диалекте. В случае же, если слово действительно принадлежит только одному диалекту Нагера, оно помечается "только ng".

В словарь, естественно, не включены слова, приведенные в публикациях, принадлежавших ранним авторам, не учитывавшим еще систему местоименных проклитик в бурушаски, и записывавших слово с проклитикой как словарную форму, о чем сказано в предисловии к словарю (с. 3). Следует констатировать, что помимо ранних авторов, перечисленных Г. Бергером, и приведенного им примера такой записи (например, *goyak*, *gúyek* 'имя', вм. *gi-u-ék* 'твое имя'), аналогичные "словарные формы" встречаются, к сожалению, и в записях нашего времени, ср., например, *ii* 'сын' и *ei* 'дочь' [Backstrom 1992: 252], вм. *i-i* 'его-сын', *é-i* 'его-дочь'.

Словарные статьи, кроме сведений о диалектах, обычно содержат указания на определенные морфологические и семантические свойства слова. В статьях об именах существительных приводятся показатели множественности, во многих случаях указывается тип лично-классного проклитического показателя принадлежности, иногда дается условный символ семантического класса. Статьи о глаголах содержат сведения о спряжении. В словарных статьях приводятся также производные имена, наречия и глаголы.

Многие словарные статьи содержат, кроме того, указание на наличие сходного слова в диалекте вершиквар и в соседних языках. Даже при явно заимствованном слове автор избегает уточнять источник и направление заимствования, хотя чаще всего они бывают очевидны из материала (многие такие заимствования были освещены в литературе, в частности, в трудах самого Г. Бергера, см., например [Berger 1959; 1966]).

Отдельный интерес представляет строение определенных "участков" лексической системы бурушаски, каким оно выявляется при анализе ряда приводимых в словаре лексем. Например, словарь Г. Бергера подтверждает показанное Д. Лоримером единство обозначения словом *-so* понятий 'брат (для мужчины)' и 'сестра (для женщины)', а также 'муж сестры (для мужчины)', при том, что обратное соотношение отсутствует, ср. *-úlus* 'брат (для женщины)' и 'деверь, брат мужа', *-uás* 'сестра (для мужчины)' и 'свояченица, сестра жены'.

Естественно, такой большой труд не

может обойтись без отдельных спорных моментов и недочетов. Часть из них была затронута выше. Можно высказать также некоторые пожелания чисто редакционного характера. Однако такие моменты единичны. В целом труд четко структурирован и великолепно оформлен.

Язык бурушаски привлекает внимание языковедов не только сам по себе, но и в плане возможностей изучения его истории и его исторического взаимодействия с другими языками, см., например, оценку возможностей разных методов: сравнительно-исторического, историко-типологического и ареального в реконструкции прабурушаского состояния [Климов, Эдельман 1995]; реконструкцию некоторых подсистем [Климов, Эдельман 1974; Tikkanen 1999], анализ субстратного воздействия "прабурушаски" на окружающие языки в словообразовании [Стеблин-Каменский 1979] и в виде целостной системы [Эдельман 1980], см. также попытку установить этимологии целого ряда слов при сопоставлении их со сходными словами в языках Средиземноморья и тем самым выявить возможность родства бурушаски с этими языками [Čašule 1998] и многие другие. Насколько успешны эти поиски – покажет время.

Публикация Г. Бергера ценна для лингвистов разных направлений (дескриптивистов, историков, типологов, специалистов по ареальной лингвистике) еще и тем, что помимо капитального исследования, она надежно фиксирует материал этого уникального языка, сохраняя его для будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зарубин И.И. 1927 – Вершикское наречие канджутского языка // Записки Коллегии востоковедов. 1927. Т. II. Вып. 2.
- Климов Г.А., Эдельман Д.И. 1970 – Язык бурушаски. М., 1970.
- Климов Г.А., Эдельман Д.И. 1974 – К названиям парных частей тела в языке бурушаски // Этимология 1972. М., 1974.
- Климов Г.А., Эдельман Д.И. 1995 – К перспективам реконструкции истории изолированного языка (на материале языка бурушаски) // ВЯ. 1995. № 5.
- Стеблин-Каменский И.М. 1979 – "Колени" и "локти" памирского субстрата // Педнеазиатский сборник. III: История и филология стран Древнего Востока. М., 1979.
- Топоров В.Н. 1969 – К вопросу о типологической близости енисейских языков и бурушаски // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.
- Эдельман Д.И. 1976 – ВЯ. 1976. № 6. – Рец.: Н. Berger. Das Yasin-Buruschaski (Werchikwar). Wiesbaden, 1974.
- Эдельман Д.И. 1980 – К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // ВЯ. 1980. № 5.
- Backstrom P.C. 1992 – Burushaski // Sociolinguistic survey of Northern Pakistan. V. 2: Languages of Northern areas. Islamabad, 1992.
- Benveniste E. 1948–1949 – Remarques sur la classification nominale en burušaski // BSLP. 1948–1949. T. XLIV. Fasc. 1.
- Berger H. 1959 – Burušaski Lehnwörter in der Zigeunersprache // Indo-Iranian journal. 1959. V. III. № 1.
- Berger H. 1966 – Remarks on Shina loans in Burushaski // Shahidullah presented volume. Lahore, 1966.
- Berger H. 1974 – Das Yasin-Burushaski (Werchikwar). Grammatik, Texte, Wörterbuch. Wiesbaden, 1974.
- Borgström C.H. 1945 – The categories of person, number and class in the verbal system of Burushaski // NTS. 1945. Bd. XIII.
- Čašule I. 1998 – Basic Burushaski etymologies: The Indo-European and Paleo-Balkan affinities of Burushaski. München, 1998.
- Lorimer D.L.R. 1935a – The Burushaski language, I – Introduction and grammar. Oslo, 1935.
- Lorimer D.L.R. 1935b – The Burushaski language, II – Texts and translations. Oslo, 1935.
- Lorimer D.L.R. 1938 – The Burushaski language, III – Vocabularies and index. Oslo, 1938.
- Lorimer D.L.R. Werchikwar–English vocabulary. Oslo, 1962.
- Morgenstierne G. 1945 – Notes on Burushaski phonology // NTS. 1945. Bd. XIII.
- Tikkanen B. 1999 – Concerning of typology of Burushaski and the roots of its prefixes *d-* and *n-* // Studia Orientalia. 1999. № 85.
- Vogt H. 1945 – The plural of nouns and adjectives in Burushaski // NTS. 1945. Bd. XIII.

Д.И. Эдельман